

сильнее, восторжествовал, и мы — забыли память его! Свидетельствуюсь его бессмертным духом, его творениями, что это не благородно. Время отмстит некогда сию обиду, и родятся некогда счастливейшие дарования, которые отважатся по проложенной им дороге возвыситься до красот сказания (*дикуии*) Гомера, ввести величественное течение героического древнего стиха, так свойственного природному нашему стихотворству».⁴³

Мысль о том, что «течение героического древнего стиха» лучше всего соответствует искомому идеалу русской ритмики, была для Галинковского принципиальной. Стремление противопоставить салонной лирике эпопею, которую он считал «высшим родом стихотворства»,⁴⁴ не означало возвращения к классицизму. Речь шла о выработке национально-самобытных, соответствующих народному духу поэтических форм. Правда, идея обращения к русскому фольклору была чужда Галинковскому (в одном месте он даже резко высказался против «общенародного» слога).⁴⁵ Зато ему оказалась близкой идущая от Винкельмана и Фосса⁴⁶ идея создания национальной культуры на античной основе. Предвосхищая Мерзлякова и Гнедича, Галинковский в статье «Мнение о характере русских» (опубликована в «Корифее») сближает русский национальный характер с античным. Последний же воспринимается как воплощение прекрасных возможностей, заложенных в природе человеческой личности. Именно в близости русского народа к неискаженному прекрасному облику человека, в том, что «он не столько удален от природы, не столько сокрыты в нем его первоначальные величественные черты, как у прочих»,⁴⁷ Галинковский видит залог возможности сближения русской и античной культур.

Галинковский в современном ему дворянском обществе не усматривает черт античного героизма. Но, по его мнению, не следует судить о народе по кучке развращенных дворян: «Тысячи бесхарактерных, испорченных россиан не составляют... целого народа: и когда мы знаем, что, может быть, два миллиона только преобразовались в иноплеменных, не своих, то можем ли сумлеваться, чтоб *двадцать* не было настоящих русских, сохранивших ненарушимо свой коренной характер, свои природные добрые свойства, свои любезные пристрастия к отечеству».⁴⁸

⁴³ «Корифей», кн. I, стр. 68—69.

⁴⁴ Там же, кн. II, стр. 13.

⁴⁵ Там же, кн. I, стр. 51.

⁴⁶ Галинковский был знаком с переводами Фосса, которого называл «неподражаемым». См.: там же, кн. II, стр. 171.

⁴⁷ Там же, кн. I, стр. 165.

⁴⁸ Там же, стр. 160.